

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

Целую
руки
твои

Л и р и к а

ЛЕНИЗДАТ
1975

Жуков

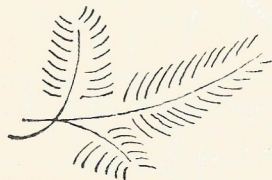
96

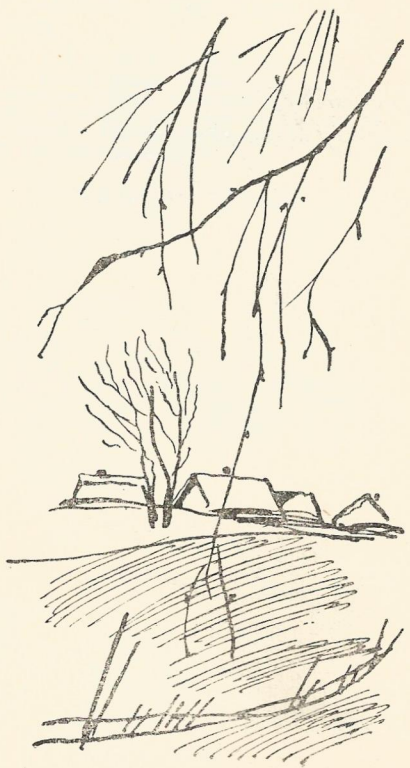
Григорьев И. Н.
Г 83 Целую руки твои. Л., Лениздат,
1975.

112 с. 20 000 экз.

Книга новых стихов Игоря Григорьева -- взволнованная лирика о Родине и нашем времени, о людях и житейских заботах, о любви и природе. В сборник вошли стихи и поэма, написанные поэтом за три последние года.

*Жаркие
коштры*

* * *

У дня и ночи граней нет:
Рассвет — закат, закат — рассвет.

Гроза и вьюга, зной и стынь —
Пресветлый мир, живая синь.

В осенней горечи разлук
Веснеет вновь пожатые рук.

Дорога будь хоть без конца,
Венчает ждущие сердца.

Печаль и радость — две сестры,
Людские жаркие костры.

Высокий гимн, частушку ль взять,
Коль в них душа, все — песней звать.

И сказка с былью — близнецы,
Завет, в грядущее гонцы.

Неразделимы рань и познь...
Лишь родина с чужбиной — рознь.

«Быль-лунушка!
Здравствуй, сестра!»

Молчаньем —
звончайшим —

Потемки нагрузли;
И, нежно стена,
Издали,
На омут,
Как будто на черные гусли,
Искристые струны легли;

И тоненько,
Точно травинки с проталин,
Вздохнули, еще ни о чем;
И тихо,
Сторожко так
зарокотали;
И плеск от Шелони;
И — челн!

И — зов!
Уж не сам ли Садко
Подплывает?
Кому ж еще так-то сыграть?
И если на свете
чудес не бывает,
То как же
Такое назвать?

Проселок

Старинушка, тихий проселок,
Тебе ведь под тысячу лет.
Страж-ветер твой зорок и колок,
А воздух спрессован и сед.

Синь зной напоён медопьяном:
Част вереск полгода цветет.
В июнях разливом румяным
Плывет по закату восход.

Багровое в рани лиловой
Огромное солнце встает.
И сумрак в чащобе еловой
Тревожные песни поет.

Мне всё тут свое поневоле:
Волнистый текучий песок,
Замшелый валун в суходоле
И тишь, и клеста голосок.

Всё живо: густая прохлада,
С рассветом сбежавшая в ров,
И дневка вздремнувшего стада,
И добрые морды коров,

И смех голосистых доярок,
И дымный пастуший костер,

И грозы, летящие яро
В иссохший от жажды простор.

Здесь воздух нахвоен и колок,
А ветер и горек и сед.
Не диво: ведь этот проселок
Бежит, может, с тысячу лет.

Сутулит надежную спину, —
Испытано в жизни всего...
Но врос он в родную долину,
И время не стерло его.

Сон о доме

Мы теперь

на самом краю.

Мы — это я да мыши.

Весь я совсем не топлен стою.

Ты, хозяин, не спишь?

Ты меня слышишь?

Ну какая это компания —

мышь?

Куда ни шло, хоть бы кот захудалый...

Ох, батька беспечный, ты вроде

храпишь?

Устал, говоришь?

А я — не усталый?

По-твоему, я —

бедняк неживой?

А ты на червонцы нацелил рыльце.

Вот... дрыхнешь, а мне от судьбы

ножевой

Никуда не уйти,

Никуда скрыться.

Сегодня как раз

день именин;

Поневоле заплачешь с такого веселья:

Ровно десять лет,

Как стою один,

С твоего столичного новоселья.

Не признаёшь меня?

Я — твой дом,

По-старому то есть — судьба-опора.

А тут бригадир страшает:

«На слом!»

Подо мной, вишь, сотка земли

без призора

Я-то не робкий,

Да трусь не трусь,

А понимать положение

надо:

В одиночку долго не продержусь,

Пропаду через год-другой без догляда.

Сам посуди:

На полях мокреть,

Крыша-то

в девяти местах прохудилась...

Ты уж прибуди свой кров осмотреть,

Сделай такую милость!

Хотя ко мне

заросли пути,

Хоть бузина разбузилась окол,

В деревне меня попробуй найти

По кривой трубе,

По окнам без стекол.

Как, значит, придешь,

пройди лесок,

Потом в крутосклон покарбайся

малость:

Три шага —

И ступишь в белый песок;

Не забыл, как в нем хорошо игралось?!

Отсель до меня подать рукой.

Не джоже заманчив стал,

не скрываю:

А каков бывал,

Жил я какой:

Не из последних, да и не с краю!

Да вот

соседей моих и друзей

За бутылку

И сотню мятых рублевок

Пожгли на дрова, где сам — ротозей,

Перетянули в город, кто ловок.

Признаться,

и я с такой маеты

Готов очистить землю хоть ноне ж.

Да вот всё думаю:

Как же ты?

Где без меня главу приклонишь?

Пейзаж

Час,
И день,
И две недели
Всё иду, иду, иду.
А кусты не поредели,
И лугам грустить в страду.

Спит во ржи осот-молчальник,
Схвачен лен в тиски берез...
Ты о чем,
О чем,
 печальник?
Что ж такого? Лес подрост.

И тебе природа — мать.
Всё живое
 хочет жить.
Всем земли с избытком хватит,
Право, не о чем тужить.

Что тебе до пленных пожен,
До тоски полей глухой, —
Пусть ты понял,
 разве сможешь
Взвить топор перед ольхой?

Знай дыши,
 расправив спину,
Бей тетёр,
Грибы ломай,
Жги валежник,
Ешь малину —
Чем тебе не урожай?

Всё березник да олешник —
Сам себе он господин...
Кто ты —
Пахарь,
Витязь,
Грешник,
Праздный дачник?

Чей ты сын?

Снеги

Не на шутку щеки
Оттрепал мороз.
На большие сроки
Он себя вознес;

Есть где разнапаститься —
Кружит вкривь и вкось.
В грудь незвано ластится
То, что не сбылось.

День, как виноватый, —
Смутен до бровей:
Бьет его косматый
Хлесткий снеговой.

Даль позаметелило
Сизым помелом.
Зимушка затейливо
Пляшет за селом.

Снеги, снеги, снеги —
Прямо от крыльца.
Залепило веки,
Не поднять лица.

Стужа понавесила
Остроиглый прах.

И, сказать, невесело
Утопать в снегах.

А ведь где-то цветом,
Солнцем впоен край,
Там зимой и летом —
Разливанный май.

Только мне — не к югу:
За тепло и свет
Нашу диво-вьюгу
Не сменяю, нет.

И строга, да милая,
Злюка, да своя,
Стынь, да не постылая, —
Словом, ты да я.

На Синичьей горе

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила.

Пушкин

Стихают листья,
Тают,
Гаснут дали;
Отбедовали весте журавли —
Откалялись, отпели, отрыдали;
И небу нету дела до земли.

Заваривает снежное причастье
Нагой ноябрь костлявою рукой;
Печаль и пепел,
Хладное бесстрастье,
Бескровный день,
Кладбищенский покой.

Но это только миг,
Лишь промельк смутный,
Невольный вздох встревоженной
души.

Здесь — жар и дар,
Пресветлый мир подспудный;
Здесь ни глуши, ни тленья, ни тиши.

Нет, не покой бесстрастный —
Здесь величье;
Нет, не бесплодный стон —
Глагол в сердца:

Святые Горы вокруг горы Синичьей,
Как тысяча венков
Вокруг венца.

Он здесь, поэт, —
От радости до боли,
В России весь,
С отчизной навсегда.
Он щедр и горд.
Он — дружба, вера, воля.
И что ему года и холода.

Не выстынет,
С таким огнем воспетый,
И пыл сердец,
И гордый дух славян.
Пока лучится солнце над планетой,
Не властна тьма над солнцем россиян!

Было шорохливо и, как в песне, складно,
Широко и сине, вольно и отрадно.

Даль — не за горами, и идти далёко,
И совсем безлюдно, да не одиноко.

Было увяданье, только не разлука, —
До весны прощанье, в верности порука.

Надо же: такое на душу намчится!
И душа-должница тихо залучится,

Зацветет, засветит, майски ясно, росно.
Нету расставанья: впереди — лишь
росстань.

Притча

С намека да с упрека
Кого теперь проймешь.
Не много в притче прока,
Но есть и польза всё ж.

Проклюнулись (приметь-ка!)
На грядке три листа —
Бурак, чеснок и редька —
Два брата и сестра.

Им солнышко светило,
На ласку не скупясь;
Их летичко поило
Росой медвяной властью;

В озноб гроза бросала
И темень-ночь трясла.
Но их земля спасала
От горяшка и зла;

Глядела добрым оком
На детушек своих;
Своим могучим соком
Вскормила всех троих;

Всех поровну любила
И крепко берегла,—
Ни в чем не обделила,
Ничем не обнесла.

Юнцы большими стали,
И хоть единый сок
Они в себя всосали,
Ан разный вышел прок:

Из радостей и горя
Чеснок извлек душок,
Добыла редька горечь,
А свекла — сладкий сок.

«Проблемы огорода
Стары давным-давно».
Вот то-то и оно-то,
Вот то-то и оно.

Напрасно плачут чада:
«Не в нас — в житье вина!»
На жизнь пенять не надо:
Земля для всех одна!

Ночь

Виктору Бокову

Такую ночку проморгать —
Сплошное разорение;
И не смолчать,
И не сказать;
И всё в ней удивление.

Лиловой ласки намело
Везде — вокруг и около;
Светлым-светло
Мое село
От месяца высокого.

Не оглядишь —
До самых крыш —
Не тень — сирень раскидана.
Анисовкой с укропцем тишь
Над улицей пропитана.

Густы
Утихшие листы —
Под сапогами ворохом.
Поеживаются кусты
С чуть грустноватым шорохом.

Всё сразу — гладь,
Всё благодать,
За всё душа ручается.
Такую ночку повстречать
Не каждый день случается.

Лето

В тех краях, где Юг и Антарктида, —
Самая зимища в эту пору.
А у нас добро и деловито
Середина лета катит в гору.

Ростом лето чуть ли не с полсвета,
Пестроцветью доверху обвито,
Повителью солнечной согрето,
Ливнями прозрачными омыто.

Мне дороги лето удружило,
Дало слез кукушкиных, кукушек,
Насовсем к себе приворожило,
Надарило цыпок и веснушек.

Весь я — как тропа, как подорожник,
Счастье несказанное имею.
Как поет струистый зной над рожью,
Я назвать словами не умею.

Разве что один Сергей Есенин
Мог бы чудо выразить стихами.
Луг цветами жаркими усеян,
Грусти улеглись, позатихали.

Ай да лето! Лето так уж лето —
Загляденье, благодать, отрада!
Может, есть и лучше что-то где-то...
Ничего мне лучшего не надо.

Козырь

Не описать
Тебя пером!
Халупе — зять,
Своjak хорóм.

В деревне нет
Избы чуднѐй:
Чердак раздет
(Полкрыши в ней);

Труба того —
Горшок без дна;
Стекло одно
На три окна;

Не стережет
Запор сеней,
Входи, народ, —
Там нет дверей.

Зато фронтон
Обшит, как франт;
А уж фасон
У двух веранд!

Кряхтит изба,
Едва жива,

Но в ней резьба —
Что кружева.

Мужик умел
Чудить всерьез:
Как сахар, бел
Певучий тес;

Узор крыльца —
Волшебный сказ.
А три венца —
В земле как раз.

Престранный кров!
В нем «сам» — чудак,
Влас Козырёв.
Скобарь. Мастак;

Который год,
Блескуч, остёр,
Легко поет
Его топор!

Подъем чуть свет:
Дела, дела.
— Пора, сосед,
Ночь уплыла.

Хоть лень, не лень,
Не в лени суть, —
Рабочий день,
Не обессудь...

Раздольный луг,
Разлив зари...

— Опять же, друг,
Бегом не при.

Семь верст пути,
А я не млад:
Сто без пяти —
Не пятьдесят.

Силенка есть.
Да как когда.
Должон учесть:
Не те года.

— Ты б на покой,
Влас Ваньч, мог,
Да будь другой!..
— Какой в том прок?

Мне внука внук
Твердит: «Пора».
Да как без рук —
Без топора.

Сочти трудстаж:
С бревном — всю жизнь,
И вдруг — шабаш,
На печь ложись;

Зевай да кость
Теплом лечи.
Приятель — гвоздь
Да кирпичи.

Запечный паз —
Сверчковый быт.

Выходит, раз —
И Козырь бит?

А мне кругом
Чуть не любой
И клуб, и дом —
Как сын родной.

Недоглядел —
Сумно лицо:
Подвядь придел,
Косит крыльцо;

Там сел венец,
Тут — в крыше течь...
Хорош отец —
Залег на печь.

И молодежь
Вольна у нас,
За ней ведь тож —
Всё глаз да глаз.

Да ты и сам
Хорош гусёк:
Труд — по часам,
В пять — наутек.

А век горазд —
И скор, и крут,
Он — ждёт, он — в нас, —
И честь, и суд.

Весь — боль, весь — бой
Наш век-Пророк.
Нам бить отбой
Совсем не срок.

Днем и ночью

Ночами заводи дымят,
Свисает мгла завёсой,
Тревогой

каждый лист объят,
Кинжалы молний тьму кроят
Над брешью в стенке леса.

А днем в озерной глубине
Сто солнц костры разводят:
Огни на дне и на волне!
И с этим светом

в сердце мне
Заботы жарко входят, —

Теплынь

к тревожным тростникам,
К задумчивым затонам,
К залубеневшим рыбакам
И к неприметным берегам,
Зыбучим и зеленым.

И так хочу я песней стать —
Душой-костром в ненастье,
Чтоб жизни

неустанно слать
И свет, и красоту, и стать,
И теплоту, и счастье!

В нехоженой тайге

Как зима ни верховодит,
Сколь пуржища ни зубаста,—
И в тайгу весна приходит:
«Покусал, мороз,
и баста!»

Отсвистели стыней плети,
Панихида ночи спета.
Ни в каком краю
на свете
Не лучится столько света!

Тает толстый снег на сопках,
Половодье палы моет,
На крутых гранитных взлобках
Плачет лед,
и ноет, ноет...

Ветром выбеленный камень
Греет лысину на солнце.
Расплескалась речка
в рамень —
Заливается смеется.

Тянет бражной соковицей,
Кличут лебеди в долине.

И дремучим дебрям
снится
Первый гром и теплый ливень.

Мнятся дебрям
домны-печи,
Зычный бас электростанций,
Большаков крутые плечи
В непролазной гуще стланца.

Глухомани на рассвете
Полны помыслов веселых:
Им, как мамам,
снятся дети,
Много-много новоселов.

* * *

Когда мы были очень юными,
Совсем не верили тогда,
Что под березами подлунными
Живая
 замерла вода.

Не ведали, что младо — зелено,
Всё вроде ясно наперед.
На всё, что дедами проверено,
Смотрели дерзко:
 «Век не тот».

Глядели мы
 глазами бедными,
Не видя бедствие свое.
А над полями предрассветными
Цвело и спело синевё.

Любая горка и овражина
Себя являла, как могла.
Всё было просто и налаженно,
Всё смысл имело —
 свет и мгла.

Нам были злат-края доверены,
Чтоб не закрался в них урон.

А нам бы — вдаль:
 мы были зелены
Просторы — с четырех сторон.

Друзья и я, и ты, любимая,
Не оглянулись за селом...
А жизни суть неодолимая
Была и есть —
 родимый дом.

Март

Высь — как ласка дружья,
Небо снова любит:
Голубит-голубит
Белое разлужье.

Щедрою метелью
В горностай увита,
Тихая ракета
Полнится капелью.

День дорос до ночи.
По заре на взгорке
Тетерев тетерке
Про любовь бормочет.

Гукают просторы,
Тишь молчит напевней.
И по-за деревней
Будит март моторы.

Новоселье

Заколоченный,
Слепой воспрянул дом!
Горожане
Поселились в нем:
Инженер столичного завода,
Робкая, как луч луны, жена,
Два белоголовых пацана —
Светлая
Российская порода.

Старожил
Поднялся за столом:
— На селе прибавилось двором —
Добрый знак!
Однако факт не новый.
Главный корень,
Основной вопрос
В том, что возвратился
Сын в колхоз
Да притом — бывалый и толковый.

Тут поослабели удила, —
Принимай
Нелегкие дела
Да впрягайся поскорее в дело,
Но подумав,

С трезвой головой,
Видишь сам:
Работы ой-ё-ёй!
Знаешь:
Малолюдые одолело.

Жить — живем,
Да пыл-то наш с ледком,
Так ли, сяк, не всё идет ладком.
Не с добра ты —
Третий председатель
За три года.
Это в наш-то век...
Если ты
Незряшный человек,
Намотай себе на ус, приятель!

* * *

Белó и не тихо,
Морозный огонь —
Зима-декабриха
Легла на Шелонь.

В ушах, как заноза,
Шелонника гам.
Метель сизокоса —
По двум берегам;

Кружится, грозитя:
«Куда ты? — прибью!..» —
«Не надо сердиться:
Тебя я люблю».

Заснеженный май

Как понять:
Где тут быль, что тут сказка?
Чем берешь ты?
Чем держишь меня?
Даже стынь твоя жуткая —
Ласка,
Даже тьма твоя —
Проблески дня.

Ведьма сивая —
Мечется вьюга;
Чуть за полдень —
А в небе закат.
Только мне ты,
Седая округа,
Откровенней чужбины
Стократ.

Старики —
Молчуны в разговорах:
«Где уж нам уж... до бойких внучат».
Но тебе
Новостей
Целый ворох
Без речей
Их глаза налучат.

Густо ль, нет ли, —
Столом не откажут:
— Хлеб да соль тебе, друг, и почет...
После «маленькой» —
Пляской уважут,
Будто усталь дневная не в счет.

Кроткий вздох.
Дерзкий вызов присядки!..
Может, доля,
Как праздник, сладка?
Может, в лики им
Скорбные складки
Не впечатала
Жизни рука?..

Проку нет
Со вчерашним рядиться,
Хоть водицей не всё унесло.
Нынче
Звездною новью гордится
Наше время,
Поправшее зло.

Анафема ольхе

В яром буйстве у нового берега
Что нам значила

кроха ольха.

Не прибили мы смиренного дерева,
Проморгали отродье греха.

Мы рвались

в небывалый просторище,

Не жалея ни глоток, ни ног.

А ольха пробиралась в одворище,
Умерщвляла обжитый клочок.

Где стыдливо, где ласково-вкрадчиво,—
Чтобы новь

не почувяла зла,—

Тут — веселый покос одурачила,

Там — на пашню ничком проползла...

Час пробил!

Прокипели, прогрохали,

Пристыли мы. Смотрим кругом:

Неужель? Да она ли —

эпоха ли —

Прячет взгляд перед темным врагом!

Взматерела

тихоня-напастина —

Рвет равнины, вцепилась в бугры,—

Лезет чаща,

Как зверь, расклькастилась...

Не ржавейте, остры топоры!

Зачин

Песня —

Дочка простых сермяг —
Веснела в стуже лесной.
Бедна и тиха, как пятак,
Не знала, что быть ей —
Казной.

Домотканым форся подолом,
Песня
Речь обретала везде:
Протюкан стоклювым теплом,
Звякал,
Звенькал лед в борозде.

Гикнув,
Яро встопорщив лучи,
Распаляло солнце костер.
Клокотали,
Дрались косачи,
Оглашая пеньем простор.

Сыпал эхо
Берег рябой.
Всласть поеживались кусты.
Молодухи горластой гурьбой
Молотили вальками холсты.

Сохи ладили мужики:
Тонко,
Звонко толклось комарам.
На чистине,
У звучной реки,
Пели девки по вечерам.

А у них в подголосках —
Апрель,
Балалаечник-ветрик,
Ручьи.
Прель земная
Лилась,
Как трель.
И сокровища были ничьи.

А потом появлялась гармонь:
Как взликует
В ручищах отца!
Забирала в певунью-ладонь
Несмышленное сердце юнца.

Зовом вдаль,
Мечтою маня,
Песня
С жизнью — во всем — шаг в шаг.
С тощих нив глядел на меня,
Плыл,
Скулил
Сырой полумрак.

А потом
Хлестанула весть,
Слух,—
Как вместе тысяча гроз:

«Будет отныне здесь —
Кол-хоз!!!»

И в подтверждение всего,
Въявь
Мотивом железным гремя,
Демон —
Трактор
Ворвался в село,
Каноны сошья грома.

И зачин крутовластный тот, —
Море радости,
Реки тоски, —
Как топор,
Раскаленный народ
Межевал,
Кромсал на куски.

Деревню
В дали несло.
Кто знал,
Кто не знал, —
Как быть?..
Так во мне взошло ремесло —
Песней людям служить.

Гора Судома

Давно я ушел от горы Судомы
Почти что за тридевять земель,
Но в глазах,
повидавших света и тьмы,
Всё встает сутулый горюн-журавель.

В тумане прошлого,
за далью верст,
Пыхтит надсадно паровичок,
Тот, самый тот, что меня увез
От тебя, мой белый березнячок.

И нет,
не найти мне забытья,
И новой родины не обрести, —
Всё равно, всё равно когда-нибудь я
Постучусь в твою дверь:
— Отвори! Впусти!

* * *

Любо ли, так себе, лихо,
Горна стезя, бездорожно ль,—
Просто,
Наивно
И тихо
Жить —

многотрудно и сложно.

Сам я, не грезя о чуде,
Просто живу-поживаю.
Тихо,
как добрые люди,
Пла́чу,
Плачу́,
Уповаю.

Жизнь
На землянской планете,
Вздых ее каждый
Приемлю —
Зовы
грядущих столетий,
Кровью омытую землю;

Радости,
Смехи,

Потери,
Снег,

приласкавшийся к маю,
Долго молчащие двери,
Где я стучусь и взываю...

Всё это жизни всевласть,
Всё —

Дорогого дороже,—
Что же тогда,

коль не счастье?

Что же?

Откровенья

Не бойся, не леший олешник,—
В чащобе свистит пересмешник;
Не поздно, не пусто, не сиро,—
Найдутся и друг, и квартира,—
Идти недалече осталось,
Шагай, не пеняй на усталость.

Согреты в перьях заката,
Проклюнутся ночи цыплята —
Пушистые желтые звезды,
И ветер замрет, чтоб не мерз ты,
Туманец прохладой накроет
И пыль подорожную смочет.

Не ведай ни тьмы, ни тревоги,—
Есть свет у чащобной дороги:
В потемках бездымно и нежно
Затеплится обочь валежник,
Как будто зажженные угли,
И месяц рассветится круглый.

Здесь люди не дюже речисты,
Но просто, как солнце, лучисты,
Добры и чисты, будто воздух,—
Не бросят просящему: «Поздно»,

Хоть за полночь кто постучится
(Иным бы у них поучиться!).

Приди в этот мир без сомненья,
Наполнись теплом откровенья,
Пожми эти жесткие руки,
Не знавшие скупости-муки,
И станешь взаправду богатым,
Здоровым, большим и крылатым.

Начинающий

Когда, чуть свет, заря высока
Покличет сделать

первый шаг,—

Любой большак тебе дорога
И тропка всякая — большак.
И ты, шагая в зябкой рани,
Легко на свете заживешь.

И ты постигнешь всё

заране

И всё стремительно поймешь:
Себя и песню, день и счастье,
Мир, беспечальный и ничей.
И ни намека на ненастье,
И всё — твое,

без мелочей.

К чему тебе

из труб дымишко,

Росинки всхлип, петушья весть
И ветрик, робкий, как ручьишко,
Когда большущего не счесть;
И до заката так далёко,
А даль от глаз и рук —

на шаг...

А ведь большак — всего дорога,
И тропка лишь одна — большак.

Тени
радуги

Но ты иную песню заведи.
Что толку

от рыдалистой отходной,
Холодной,
Непогодной,
Безысходной,
Которую заладили дожди.
Но ты иную песню заведи.

В самом себе ноябрь укротив,
Сноп вешних слов спали в костре
напева,

Жги,
Не жалея их:
Словеса не древа,—
Они воспрянут,
песню осветив.
Ты пой, в себе ноябрь укротив.

* * *

В затемненной желтизне,
Тихий луч даруя,
Кто-то тужит обо мне,
Да не разберу я.

Кто-то в зябкий вздох огня
Фукает сторожку —
Для меня искринку дня
Пестует в ладошках,

Робко в пегую между
Сеет зерна лета.
Я не гордый, я гляжу,
Кличу. Жду ответа.

Но безмолвствуют уста
Хмурого тумана.
И вздыхает грудь куста
Ласково и рдяно.

В чаще теплятся глаза
Незабудки кроткой.
Оборотись назад:
Гаснет день короткий.

То ли слезы, то ли дождь
С лап еловых льется.

В иглах дрожь. И ты вздохнешь.
Как тут не взгрустнется?

Призамрешь, оторопев,
Будто спотыкнешься,
И вдохнешь простой напев:
Полюбил — тревожься!

Твой дом

Светлыню росной,
Полночью беззвездной
Под свист бурана —
Домой вернуться
никогда не поздно,
Всегда не рано.

Он верен свято —
Днем и в стынь заката,
Он терпеливый.
Да и тебе твой дом —
не с краю хата,
Ты — им счастливый.

Не в срок вернешься,
От сует очнешься,
В себя заглянешь,
К живому сердцу
сердцем прикоснешься —
Кого обманешь?

Не кайся слезно:
«В жизни многоверстно...» —
Нет оправданья.
Домой вернуться
никому не поздно
Без опозданья.

Счастье

До него нам не шаг,
Путь не быстротечен —
Бесконечный большак
Грозовит и вечен.

То крутой поворот,
То кривая тропка,
То беспутье болот,
Перед бродом — пробка.

Угодишь в переплет,
Заколodит знатно:
Ни назад, ни вперед,
И торчать накладно.

Жми! но, чур, легких дней
Не крути педали.
То верней, что трудней,
Тем прямой, чем дале.

Выбирай: снег ли, зной, —
Только не нарочно.
Путь к нему — не иной:
Счастье бездорожно.

Журавли поют

В дни, когда засластит журавина, —
Выше голову: высь журавлина.

Доброй волей, неволею ль злою —
Надо петь журавлиному строю.

На земле и в певун-поднебесье
Нет новей и стариннее песни,

Откровенней, грустней и невинней, —
Песни жаркой и синей-пресиней;

В мире страдном, где столько прощаний,
Нет верней и добрей обещаний:

«До весны, дорогое болото!» —
«До весны, журавельюшки! То-то!»

Не вздыхай

Спалили тучи звезды и зарю,
Всё — сутемь,
Ни полночи,
Ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю,—
Бери, какая есть, о вьюгах помня.

Не забывай
И не вздыхай —
Иди!

Гляди и знай: далёко до ночега
И, может, только день всего до снега,
И вздохи — груз, увесистый в пути.

Ох, как весомы наши «ах» да «ай»!
Изнемогай, а с ними бейся —
Смейся.

Тревожься, горячись,
Но не вздыхай;
Иди себе и, что дойдешь, надейся.

Пусть вьюгам — вьюжье:
Снежная страда,
Хмельные песни,
Холода шальные,—
Они не навсегда, они больные.
Ведь вьюги что? — грядущая вода.

* * *

Есть одна на белом свете правда —
Дню

сожженья нет.
Как вчера
И как сейчас,
Так завтра —
С нами солнца свет.

Тьмища не затопит
никакая

Всех огней
Огня.
Не гляди так зябко,
Дорогая,
Не горюнь меня.

Гомон дня,
На вешний гимн похожий,
Как родник бегуч,
Расплескался,
Льется
в час погожий,—
Что ему до туч.

Даже жмарь ясна:
В ее разливе,
Видишь,

Блеск и смех.
Ладит август радуги на ниве
Всем,

да не для всех.

Понимаю:
Догорает лето.
Что́ о том тужить.
Время
Вместо песни нашей
спетой —
Новую сложить.

Сентябрины —
Для нее не сроки.
Вздох —
не лед в груди.
Не зови назад, —
Не в песню строки.
Что там впереди?

* * *

На лугу метель метет,
На душе метель не в счет:
Перестанет рано ль, поздно —
Хоть не лунно и не звездно —
Поболит, да перейдет.

* * *

Завлекают версты:
Всё легко и просто;
Рассвело на свете,
И — попутный ветер;
Листопад — утеха,
Дождик не помеха:
В нем — чиста водица.
Выйди подивиться!

Не люблю рядиться,
Вышел: всё сгодится.

Дожидала осень
Стебли на откосе,
Тихо дожигала
Листья краснотала.

Голубень и зелень
Тоненько звенели,
Будто утешали:
Не печальтесь, дали!

И, забыв про небо,
Медленно и немо,
Журавлей артели
Над землей летели.

В глубях непроглядных,
В зеленях отрадных,
В хороводе ветел
Забавлялся ветер.

И, пока чуть слышный,
Свой, еще не лишний,
Дождь ронял слезинки
На пестры косынки,
На костры-рябинки...

Милые картинки.
Край мой откровенный,
Друг мой неизменный,
И тужа о лете,
Ты высок и светел.

Когда занепогодит

Отсветил буйноцвет
Огненно и шало.
Было лето и нет,
Непогодно стало.
Унеслись за моря
Солнышко и птицы.
Грустен вздох октября,
Темен лик водицы.
В шуме бора слышна
Робость и усталость.
Это осень зашла,—
Ничего не случилось.
День как день, как любой,—
Просто зной в остуде.
Будет снова любовь,
Будут рядом люди.
Полно маяться, друг,—
Мало ли похожих.
В жизни много разлук,
Больше встреч хороших.
Столько дней и путей,
Солнца, непогодья...
Оглядишь веселей,
Натяни поводья!

В час листопада

На свидании с расставанием
Весь ты светлым взят гореванием.

Безучастный день, небо выстыло —
Отулыбилось лето быстро.

Холодеть черед живу-сущему —
Семь крутых ветров с цепи спущено.

Хоть не лед пока — непогодица,
Но и ей с дерев дань приходится.

Деревам — дубам, мал-малиннику,
Березиночкам, дроздь-осиннику,

Гнучим лозонькам с кровь-рябинами —
Срок расквитываться с сентябринами.

Ветер долга ждал долги месяцы,—
Отряхает медь с перелесицы.

Мало жадине,— ветер ухаает,
Мечет в реченьку гроши жухлые.

Ветер сердится: «Мзда для холода,—
Что мне серебро! Я — по золото!»

Позабавился в злат-осиннике,
Оборвал с берез все полтинники.

Листья зыблются красным пологом,
На землю сыплются, кружат по лугу,

Пляшут, прыгают, — всё живехоньки
Ель-яга скрипит: «Охти-охоньки!..»

Хоть бы что листам, — разлетаются,
Развеваются, разгораются —

Спорят с вихорем-воеводою,
Потешаются над погодою,

Над холодною, непогодною, —
Трепаком грустя, не отходною.

* * *

Было очень поздно,
Ветрено, беззвёздно,
Стыло и уныло, —
Бесприютно было.

Глухо лес ругался,
Дождь не унимался
Дней, наверно, с восемь, —
Знамо дело, осень.

Хоть и нет в том прока, —
На душе морока,
На плечах усталость.
Приуныл я малость.

И ведь было б худо,
Если бы не чудо:
Ты пришла, как счастье,
В самое ненастье.

Ты не оробела.
И душа запела:
Что ей дождь, хоть с градом,
Если радость рядом.

У любви — всяк знает —
Сроков не бывает:

Расцветет, не спросит,
Хоть в какую осень.

Так со мной и сталося:
Где она, усталость?
Ты едва явилась —
Темень засветилась.

Сразу — ветер тише,
Сразу — месяц вышел,
Вызвездилось небо,
Холод будто не был.

В синих лужах алость
Тихо засмеялась:
В глазоньках горячих
Бесенят не спрячешь.

И сказал тебе я,
Хорошо робей:
— Приходи почаще
На свиданье в чашу!

* * *

Приглушенные голоса,
Перестук проворных колес.
Я уйду через полчаса
Из вагона в цепкий мороз.

В черно-белый ночной размах,
В передрогший звездный опал.
Остужу в бескрайних снегах
Ошалевшего сердца накал.

Шалый ветер поземкой со щек
Обметет теплынь твоих губ.
Цепи троп, распутий, дорог
Между нами перебегут.

Вот и всё: через перегон
От меня ты умчишь, умчишь...
Ах, какой за окнами сон!
Ах, какая за окнами тишь!

Знать, нельзя иначе —
Не от нас напасть, —
В хохоте и плаче
Стужи взяли власть.

С октября-грустили
До апрельских вод
Никакие силы
Не растопят лед.

Никакие ветры
Снега не спалят,
Не оденут ветлы
В зеленой наряд.

Ветлы онемели,
До колен седы.
Никакой капли,
Ни к чему следы.

Дни темны и кратки,
Ночи без луны.
Сиверка нападки
Жгуче-холодны.

В ровной неогляди
Ветер крут и скор:

Эка, сколько за день
Насугробил гор!

В безответном поле
Вьюжит: «Береги-ись!..»
В сердце поневоле
Пригасает высь.

В поле бездорожно,
Мертво наяву.
Только разве можно
Погасить траву?

Сбудется

В солнышке нам не отказано:
Робко, да светится высь.
Что ж ты грустишь, ясноглазая?
Что ж ты молчишь? Раззвенись!

Не насовсем заметелила
Темная вьюга пути.
У соловьиного терема
Светлому лету цвести.

Кончится время морозное.
Май, что далече теперь,
Явится рано ли, поздно ли,
В быль обернется, поверь.

Всё, что задумано, сбудется,
Только бы сердцу гореть!..
Выйди скорей в многолюдницу,
Радость озябшую встретить!

Апрель

Будто край нездешний:
Весь-то он лучится!
Мне, как птахе вешней,
Тоже не молчитя.

Выпорхни под солнце,
Без тебя — без слова я.
Это нам смеется
Ростепель лиловая.

Сизое разлужье
Голосисто манит.
До чего же дружно
Красен день буянит!

Раскаленной сталью
Брызжет каждый омут.
И за дальней далью
Внятен лета гомон.

На огнище моем

Звезду обманчивую стер
Уже не дальний

гром.

Не мной разложенный костер
Мелькнул
В лугу нагом.

Цвети, огонь,
Гори, не мой,
Желтей,

чужой дружок.

Зови, сули, вели, немой,—
Не я тебя разжег.

И мне от твоего тепла —
Ни проблеска утра:
Мой огонек

затих дотла

Давным-давно:
Вчера.

Иная жизнь,
Чужая высь
Зажглись

в моей тени.

Дружище гром, остановись,
Смолчи,
Повремени.

Не заливай
Крутым дождем
Сухие головни:
Пусть на огнище

на моем

Себя найдут они!

После дождя

Прохлада и плеск,
Незлббивый гром,
Узорчатый лес
Над ясным бугром.

В цветенье полей,
В певучих лугах
Прошел водолей
На длинных ногах.

Земля напилась,
И в хохоте луж,
Дрожа и бранясь,
Купается сушь.

Вьюга

Белонога, в поджилках не слаба,
С нею снега послушны и чутки,—
Своенравная славная баба,
Веселунья, с которой — не шутки.

Выше леса колени взлетели,
Заметался подол сарафана...
Полюбилось мне буйство метели
Крепко-накрепко, может, и рано.

Но теперь мне печалиться поздно,—
Ни гордыни в душе, ни корысти.
Днями серо, ночами беззвездно,
Снег да сиверка рявканья рысьи.

Молодая, седая, хмельная —
Завивает, хохочет, бедует;
Рада вольница: всех обнимая,
Без разбора голубит-целует.

Не обделят, ничуть не обманут
Эти губы, огнем налитые.
С плеч печали спадут и отстанут,
Обратятся в сугробы крутые.

Вьюга скроет ухабы и взлобки —
Всё привычное переиначит.
Сдавши спину ей, зябкий и робкий
Не слезами, ледышками плачет...

Заунывные песни тревоги,
Только вслушайся в возгласы эти, —
Беспечальны, добры и нестроги —
Всё о свете, о цвете — о лете.

Тогда
память
не даёт

Смолкни,
Вольница белёсая,
Отступись от большака.

Не остудишь — не пронизывай,
Было всё — не привыкать.
И глядит в пространство сизое,
Всё глядит
Седая мать.

У завьюженной околицы
День-деньской стоит и ждёт.
Ошалело стужа колется,
А ее сердечко —
Жжет.

Снег. Всё снег...
Уж не случилось ли
С ним беды какой в пути?..
Да на взгорке кони выросли:
— Летит! —

Побежала. Спотыкается.
Полушубчишко — в сумёт.
— Мама!.. —
Чаянья сбываются.
Молкнет ветер. Тает лед.

Синица

Приподнял голову:
— Мир вам, друзья!
Принимайте:
Вместе милей зимовать.
Мирон Петрович Синицын я,
По-свойски — Синицей-Дядюшкой звать.

Вгляделся в лица:
Бойцы, свои.
— Не зря потянуло: дай загляну.
Не вешать голов: я здесь, соловьи.
Выходит, свиделись.
Ну и ну!

Роток на замок,
Чтоб стоны — молчок,
Чтоб им — ни полщелочки в белый свет..
Так появился у нас новичок —
Дядюшка —
От роду двадцать лет.

Кто ведает, сколько бы
Целых тел
Волшебник-хирург собрал из нас?
Но душ, в которых светляк теплел, —
Пятнадцать в палате.
Ждали свой час.

А в окна ломился плакун-февраль,
Сжигал, лиходей, надежд мосты.
И вся наша даль,
Бескрайняя даль,
Кончалась
У самой первой версты.

И вдруг
Из клятой кромешной мглы,
Как смех ребенка, чист и высок,
Тише безмолвия,
Тоньше иглы,
Пробился к нам ее голосок.

Вскольхнулся Дядюшка:
— Други, поет!
Солдаты, да это ж к теплу она,
Гляньте: на стеклах отходит лед.—
И всхлипнул по-детски:
— Вот те и на!

Ей-ей же, веснеет!
Теперь поживем:
Синицы не пробуют зря голосов...—
Он так и умер
С веселым ртом,
С красной слезиной в пушке усов;

Так просто, так ясно,
Не падая ниц,
Не выпустив боли в светлую даль,
Даровав нам милость —
Слушать синиц,
Любить,
Горевать,
Поминать февраль.

Не восемь полей перейти...

Откуда в ней столько живого,
У хворой,
У древней такой?
Сыскала целебное слово,
Пригрела шершавой рукой.

Узорный платок повязала:
— Меньшого кровинушки дар! —
Нарезала хлеба и сала,
Спроворила вмиг самовар.

Присела.
Вздохнула глубоко.
Взяла ломоток — почерствей.
— Вечорась вещунья-сорока
Недаром сулила гостей!

Да грейся ты, рódный,
Сгодится:
Чай крепкий врачует с дорог.
У нас дармовая водица,—
Погрейся, ведь крепко продрог.

Слышать, побывал в загранице.
— Поклон ему свёз и венок.

Ты видела: не в цвет-саду,—
Прильнув у пулемета,
В крови, в пороховом чаду
Писал разведчик что-то,—
В аду,
У смерти на виду.

Не получил за то награду —
И жалости не надо!
Не угодил я на парад —
Невелика досада.
Как говорят,
Уж рад не рад...

А нынче я, как всё, иной,
Как все мы — не моложе,
Задумчив, тих, сутул спиной,—
Багаж, он крючит всё же.
Всё — так,
Но ты зато со мной.

К тебе спеша ценой любой,
В пути полсердца выжег;
Что сердце, встретиться б с тобой.
А ты — всё строже, выше.
Ах, Муза, Муза,—
Вечный бой!

Подумать только:
Двадцать лет
Горел, к тебе привязан.
И вдруг победа из побед —
Тебя засватал разом!
Не ослепи меня, мой свет.

Ведь вместе праздновать теперь
На свадьбе нашей будем,

Стучаться в запертую дверь,
В сердца врываться к людям
И верить в счастье, верь не верь.

Дай руку:
Душу отворя,
Пойдем зарю аукать;
Не дай мне возопить «уря»
И «браво» тьме сюсюкать,
И день чернить не дай зазря.

Пускай трубины дуют в медь,
Грохочут в контрабасы,
Пускай, привыкшие галдеть,
Паяцы
Точат ляды,—
Дай мне о родине радеть.

Вели
Всегда глядеть в глаза
И правде, и неправде,
Какая б ни нашла слеза
(Да, да, слеза, представьте),
Какая б ни зашла гроза.

И разреши задать вопрос
Тебе, моя невеста,
Простив, что прям он и не прост,
Ответь,
Скажи мне честно,
Поскольку до тебя дорос:

Ты, Муза,— кто:
Судья, звезда,
Минутка-прибаутка,
Мечта, беда?

— Пожалуй, да:

Родство со мной — не шутка.
Я — неизбывная страда.

Одним я — скучная вдова,
Другим — всего забава,
А для иных не трын-трава —
Великая отрава,
Судьба ль, судья ль —
Правым-права.

Вот ты, чудак седой,
Мне люб:
Не сдал, скажи на милость.
А что словцо сорвется с губ —
Стерпелось, облюбилось:
Ведь ныне редкость — однолюб.

Однако помни:
Пересуд
Уже водицу мутит —
Чванлив, самим собой раздут,
Хлопочет, рядит-судит:
«С ним Муза жить не будет.

Сорокалетний холостяк,
Куда как дело плохо:
На свадьбе собственной — в гостях.
Сейчас у нас — эпоха:
Верлибр давай,
Не ямб-пустяк.

Ему бы с кралею рябой
Пиликать на трехрядке...»
Но ближе к делу:
Мы с тобой
Не слабы на лопатки.
Дай руку. Всё в порядке.

Заземление

Ты не брал
Траншеи развороченные,
Не бежал,
Не шел,
Не полз

юнцом седым —
В но́чи,
Пулеметами простроченные,
Будто жала тесаков,
Огнем наточенные,
С головой не окунался
В непроглядный дым.

За тебя
Ровесник долг исполнил —
Белозубый и вихрастый
(вижу, как сейчас) —

И в беспамятстве
Приказ отчизны помнил,
Знал и помнил:
«Должен!»
И, не убоившись молний,
Встал во весь свой рост,
Отмщенья полный!

Солдаты

Малиновый вечер спокойно истаял,
Заря и зорянки

 уснули,
Вздremнула осинок певучая стая,
Сник ветер,
Спят дали-красули.

Укутала ночка в туман и зелёнку
Просторы
 и крохи-поляны.

И любо, и странно:
С чего дергачонку
Не спится в перстах валерьяны?

Уже над низиной, задаренной снами
Зацвел молодой двоерогий...
Свет — глуше,
Мир — уже:

 он дышит сенами,
Печалинкой, черствой дорогой.

Дубленным, соленным от дела и солнца,
Солдатам,

 среди ночи и пыли,
Не шибко идетя,
Не дюже поетя.
Но близко отбой протрубили.

Вдохнула стогрудно,
Прибавила шагу,
Надала

 сморенная рота.
Полуночь списала денька-работягу:
До зорьки лишь отдых — забота.

Всё полно отбоем,
Всё в добром покое:
И земли, и воды, и люди.
И шаг до палаток.

 Но дело такое:
— Солдаты! Отбоя не будет!

Нам

 нету отбоя,
Не время покоя —
На то мы, солдаты, и служим;
И можешь не можешь, но дело такое:
Отставить и отдых и ужин!

Дорвался огонь

 до созревшего хлеба —
Пожнет,
Опоздай лишь подмога.
А мы ведь паек получаем не с неба.
— Тревога! Тревога! Тревога!

Праздник урожая

Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей.

Николай Тихонов

Иду леском обнаженным.
Рассвет. Бахвалются пёвни.
Дымки за лесом сожженным:
Рукой подать до деревни.

Седеет бурая тропка
И елок сизые копыя:
На землю черную робко
Садятся белые хлопья.

К закату зябь и пригорки
День добрый в пуха украсил.
И в честь свершенья уборки
Завихрил колхозный праздник.

Распелся праздник, раздался,
Вприсядку — дедь и внучата;
Кузнец и тот не сдержался:
Протезом в пол припечатал!

Мудры простецкие лица,
Нежны большенные руки...
Фартит вам так веселиться
Не каждый денечек, други.

Тревоги, уйму работы,
Закон любви человеческой,

Свой дом, земные заботы —
Их ваши вздымают плечи.

Всё-всё: и радость, и зёрна —
Зажженные вами светлы.
Дорога ваша не торна
От лютых бед до Победы.

Но шли. Прошли. Не устали.
— А нынче праздновать будем!..
И впрямь, из какой мы стали,
Русские люди?

* * *

Поле читает стихи наизусть,
В них беспечальная грусть.
О, Русь!

Солнце и звезды, и травы твои,
Тучи, снега и ручьи —
Как соловьи.

Я их услышал, родившись едва,
Родины тихой слова:
Вечно жива!

СОДЕРЖАНИЕ

ЖАРКИЕ КОСТРЫ

«У дня и ночи граней нет...»	5
Из детства	6
Проселок	9
Сон в доме	11
Пейзаж	14
Снеги	16
На Синичьей горе	18
«Было шорохливо и, как в песне, складно...»	20
Притча	21
Ночь	23
Лето	24
Козырь	25
Днем и ночью	29
В нехоженной тайге	30
«Когда мы были очень юными...»	32
Март	34
Новоселье	35
«Белó и не тихо...»	37
Заснеженный май	38
Анафема ольхе	40
У костра	42
Зачин	44
Гора Судомá	47
«Любо ли, так себе, лихо...»	48
Откровенье	50
Начинающий	52

ПЕСНИ РАДУГИ

Ноябрь	55
«В затемненной желтизне...»	57
Твой дом	59
Счастье	60
Журавли поют	61
Однажды в непогоду	62
Не вздыхай	64
«Есть одна на белом свете правда...»	65
«На лугу метель метет...»	67
«Завлекают версты...»	68
Когда занепогодит	70

В час листопада	71
«Было очень поздно...»	73
«Приглушённые голоса...»	75
«Знать, нельзя иначе...»	76
Сбудется	78
Апрель	79
На огнище моем	80
После дождя	82
Вьюга	83

ПОКОЯ ПАМЯТЬ НЕ ДАЕТ

Воспоминание	87
Встреча	89
Синица	91
Не восемь полей перейти...	93
Витебско-Невельская возвышенность	96
Помолвка	99
Заземление	103
Солдаты	106
Праздник урожая	108
«Поле читает стихи наизусть...»	110

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

«Целую руки твои»

Редакторы Л. И. Маляков и Н. А. Чечулина. Художник
О. И. Маслаков. Художественный редактор А. К. Тимо-
шевский. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор
Л. В. Берендюкова.

Сдано в набор 14/V 1975 г. Подписано к печати 30/VII
1975 г. М-26333. Формат 70×90^{1/2}. Бумага тип. № 1.
Усл. печ. л. 4,09+вкл. Уч.-изд. л. 3,20+0,03=3,23. Тираж
20 000 экз. Заказ № 145. Цена 40 коп.

Ленинздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудо-
вого Красного Знамени типография им. Володарского Лен-
издата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57